
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ФАКТОРЫ, ВЕКТОРЫ, ПРИОРИТЕТЫ

Л. А. Безруков¹

А. Г. Дружинин^{2, 3, 4}

О. В. Кузнецова⁴

В. А. Шупер³

¹ Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
664033, Россия, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

² Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

³ Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

⁴ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 21.01.2024 г.

Принята к публикации 05.04.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-2

© Безруков Л. А., Дружинин А. Г.,
Кузнецова О. В., Шупер В. А., 2024

Пространственное развитие современной России испытывает существенное, все более возрастающее по амплитуде и следствиям влияние масштабных геоэкономических и геополитических изменений, чей позитивный, предпочтительный для Российской Федерации вектор в последние годы подчас соотносят с формированием особой макроструктуры — Большой Евразии. Цель статьи состоит в разработке современного (учитывающего конфликт России с коллективным Западом) концептуального подхода к Большой Евразии как общественно-географической структуре мегауровня и определении на этой основе стратегических интересов, возможностей и ограничений пространственной динамики Российской Федерации в рамках реализации стратегии евразийского континентализма (ориентированной на приоритет трансграничного сотрудничества и взаимоподдерживающего соразвития государств Евразии). Акцентированы важнейшие современные тренды и ключевые противоречия трансформации российского пространства. Сформулировано представление об опорном каркасе «большой» евразийской интеграции и сопряженности его формирования с активизацией межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий. Обосновываются целесообразность и приоритетные (учитывающие инерцию пространственной динамики) форматы сдвига на восток и север страны экономической активности при возрастающей в этой связи роли в российском пространстве Сибири. Оценены потенциал и целесообразность пролонгации «москвоцентризма» российского пространства в рамках обеспечения многовекторности его развития. Приоритетное внимание уделено «муниципализации» подходов к стратегированию пространственного развития Российской Федерации в контексте евразийской континентальной интеграции.

Ключевые слова:

пространственное развитие, интеграционные процессы, муниципальные образования, Большая Евразия, евразийский континентализм, Россия, Сибирь

Для цитирования: Безруков Л. А., Дружинин А. Г., Кузнецова О. В., Шупер В. А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 2. С. 18–40. doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-2

Введение и постановка проблемы. Радикальное обострение геополитической ситуации в 2022 г. (когда, как полагают [1], мир оказался на грани новой мировой войны) привело к серьезным угрозам национальной безопасности России, видоизменяющим общезкономические, транспортно-логистические, внешнеторговые, пространственные и другие приоритеты ее развития. Санкционное давление коллективного Запада предопределило сокращение или даже прекращение связей с так называемыми недружественными странами (при том что в 2019 г. 65 % внешнеторгового оборота Российской Федерации приходилось именно на «коллективный Запад» [2]). Усложнено перемещение российских грузов через территории стран — членов ЕС и НАТО. Возможности морского транспорта на западном направлении также оказались под угрозой в связи с возросшей потенциальной уязвимостью выходов из Балтийского и Черного морей. Вводятся запреты на доступ в европейские порты судов российских компаний и на заход иностранных судов в порты России, останавливается обслуживание ее судов и страхование грузов, что означает разрыв либо удлинение логистических цепочек, рост транспортных и транзакционных издержек, снижение эффективности экспортно-импортных операций и, соответственно, возникновение рисков для экономики страны, ее территорий.

Купирование возникающих проблемных ситуаций и угроз (все более системно осмысливаемых и обсуждаемых, в том числе российскими географами-обществоведами [3—5]), связано с усилиями в двух основных направлениях. Первое — формирование и развитие мощного автономного контура российской экономики, ориентированного на углубление переработки сырья с развитием высокотехнологичных производств, импортозамещением и получением диверсифицированной конечной продукции. Второе — отлаживание и наращивание интеграции с «дружественными» государствами Евразии, снижающей зависимость от рынка коллективного Запада и при этом полностью вписывающейся в современный (в логике преобладающего дезинтеграционного цикла [6]) тренд экономической регионализации. Направления эти, подчеркнем, дополняют друг друга и должны реализовываться параллельно с общим укреплением глобальных позиций России, в свою очередь, в существенной мере связанным с полновесным и продуктивным участием страны в выстраивании альтернативного нынешнему доминантному общепланетарному «центру силы» уравнивающего его полюса в виде объединения (блока) ряда «незападных» евразийских стран. Эту пока аморфную, фрагментированную, асимметричную и отличающуюся «размытостью» своих внешних границ структуру с рубежа 2015—2016 гг. в российском научном дискурсе принято осмысливать и идентифицировать [7—11] как некую Большую Евразию.

Актуализация данной тематики, а также прогрессирующий интерес к ней исследовательского сообщества (симптоматично, что в базе РИНЦ на декабрь 2023 г. с ней напрямую связаны 2459 статей) сочетаются с весьма недостаточной проработанностью общественно-географических аспектов формирования Большой Евразии, равно как и условий и следствий развития в «большом» евразийском контексте самой России. Особенно существенен дефицит научных изысканий по осмыслению современных (связанных с резко усилившимися экономическими позициями Китая и его превращением в контексте СВО в ключевого внешнеторгового партнера Российской Федерации) метаморфоз **евразийской континентальной интеграции** и оценке ее влияния на приоритеты и стратегию пространственного развития нашей страны, не определены интересы российских регионов (а в их структуре — и муниципальных образований), а также соответствующие возможности и ограничения в выстраивании взаимодополняющих хозяйственных связей и осуществлении крупных интеграционных проектов в рамках формирующегося макрорегионального интеграционного блока. Должным образом не проработаны, впрочем, и ключевые

аспекты создания самой Большой Евразии, прежде всего ее состава и границ, предпосылки, барьеры, а также «скреп» (в том числе территориальных) объединения столь разномасштабных, разнородных стран. Отсутствует четкое понимание пределов (глубины) и форматов их экономической и политической интеграции, выбора конкретных проектов глобальной транспортной инфраструктуры, возникающих при этом новых возможностей (в том числе и для конкретных территорий) и др. Целью данной статьи в этой связи является, с одной стороны, экономико-географическое обоснование для России стратегии евразийского континентализма, потенциально выступающего, как это представляется авторам, в качестве важного рычага и приоритетного вектора развития страны, с другой — определение интересов, возможностей и ограничений пространственного развития Российской Федерации в рамках Большой Евразии.

Подчеркнем, что формирование Большой Евразии мы рассматриваем с позиций именно пространственного развития России, поэтому помимо общих вопросов — анализа феномена «Большой Евразии» и места в ней нашей страны — рассматриваем ключевые аспекты ее влияния на российское пространство: формирование многовекторности пространственного развития; новый всплеск интереса к осмыслению роли Москвы с окружающими территориями и восточных регионов страны в ее социально-экономическом развитии; необходимость усиления внимания к муниципальной проблематике.

Феномен Большой Евразии и его воздействие на пространственную динамику России: концептуальный подход. Идентифицируя (и осмысливая) влияние на пространственную динамику Российской Федерации фактора Большой Евразии, важно осознавать, что речь изначально идет о явлении особого рода, чья специфика связана с множественностью интеграционных структур, процессов и проектов, одновременно и сопряженно разворачивающихся в пределах основного массива евразийского материка. Это продуцирует евразийский полицентризм, актуализируя (и предельно усложняя) вопрос о географическом контуре Большой Евразии, порождая неустрашимый «разнобой» в ее делимитации (см. [7; 8; 12]), которую, как видится, лишь отчасти (и в самом генерализованном виде) правомерно напрямую отождествить с каким-либо институционально оформленным объединением фактически вовлеченных в «большое» евразийское партнерство государств (либо нескольких подобных группировок) и тем более с совокупной их территорией.

Целостность Большой Евразии, имея место, подчас умозрительна, условна и зыбка, предопределяется не столько фактической социально-экономической близостью-сопряженностью отдельных государств, сколько конфигурацией их территории и позиционными обстоятельствами. Значительная часть стран в контуре Большой Евразии в той или иной мере геополитически дистанцирована от «коллективного Запада», но далеко не все при этом выступают его оппонентами (при одновременном проявлении конкуренции с элементами противостояния непосредственно между евразийскими государствами). Для многих де-факто акторов Большой Евразии в геоэкономике существенен (но не доминантен) фактор соседства; реализация последнего для всех 12 «неевропейских» внутриконтинентальных государств евразийского материка (в сумме — более 6,5 млн км² территории и 160 млн населения) эквивалентна «допуску» на глобальные рынки, то есть во многом экзистенциальна.

Большая Евразия (как идея и одновременно реальный экономико-географический конструкт) ориентировалась первоначально на присущий практически всему массиву азиатских государств динамичный, сохраняющий свой потенциал и на перспективу экономический рост (подкрепляемый, в свою очередь, демографией),

дополняемый позитивными качественными изменениями в логистике, позволяющими ускоренным образом формировать трансконтинентальные (в первую очередь Европа — Китай) производственно-сбытовые цепочки. Нарастающие дезинтеграционные тренды в мироустройстве, равно как и геополитика (в особой мере — в связи со СВО) — еще существеннее актуализировали для России «большой» евразийский интеграционный проект, резко усилив наряду с этим его и ранее стабильно нараставший «азиатский крен».

Большая Евразия применительно к Российской Федерации в современной ситуации в экономическом отношении оказалась в итоге в существенной мере китаецентрична, при том что инициатива «Один пояс, один путь» стала ее безусловным ведущей «скрепой» (симптоматичны в этой связи представления о Китае как об источнике оживления российской экономики, равно как и масштабной интеграции в рамках ЕАЭС [13, с. 65]). Демографически и геополитически — асимметрично-полицентрична, при том что сам нарратив «большого» евразийского партнерства является в весомой мере российским, циркулирующим и превалирующим в пределах именно Российской Федерации, а также у ее ближайших партнеров. В основе данного нарратива — ренессанс классического евразийства (концепт «внутриконтинентальных соседств» П. Н. Савицкого) и реинкарнация идеи Большой Европы (единого пространства между Лиссабоном и Владивостоком [14]), адаптированной к «посткрымским» реалиям и позволяющей не только создать дополнительную концептуальную рамку для геостратегического «поворота» Российской Федерации на восток (отчасти провозглашенного еще во второй половине 2000-х гг. [10]), но и придать больший масштаб и вес продвигаемой Россией «малой» евразийской интеграции (продемонстрировавшей в формате ЕАЭС, по оценке Л. Б. Вардомского, «отсутствие ярко выраженного тренда на рост торгово-экономической связанности» [15, с. 113]). При этом, как акцентировано [7], собственно экономико-географический смысл формирования Большой Евразии состоит в строительстве долгосрочной и устойчивой континентальной евразийской интеграции посредством активизации международных хозяйственных связей и сооружения транспортных коридоров. Иными словами, сущностная сторона «большой» евразийской интеграции (как уже озвучено в [16]) заключается именно в создании на обширных, разнородных, фрагментированных пространствах Евразии новых (во многом обусловленных смещением ее геоэкономического и геополитического потенциала на восток и юг) форм организации и концентрации населения, инфраструктуры, хозяйственной активности (коммуникационных коридоров, индустриальных узлов, приграничных полос сотрудничества, трансграничных регионов, территорий кросс-культурных взаимодействий). В совокупности их уместно определить как особую пространственную рассредоточенную мегаструктуру — опорный каркас «большой» евразийской интеграции, в свою очередь, инициированную совокупностью многоаспектных, разновекторных евразийских партнерств и альянсов. Существенная их часть (под воздействием демографической динамики и экономических реалий) по своему ареалу простирается является трансконтинентальной, азиатско-европейской, все больше «смещающейся» во внутриконтинентальные области евразийского материка, что позволяет вести речь о **евразийском континентализме** как специфическом миропонимании, особой геостратегии и наряду с этим интеграционном регионоформирующем общественно-географическом процессе, чье влияние существенно и для Российской Федерации, распространяется на многие ее регионы и муниципальные образования.

Важно при этом осознавать, что Большая Евразия предстает не столько в качестве «структуры структур», сколько в ипостаси пространственной структуры «поверх» сложившихся пространственных образований, что практически должно

исключать восприятие российского пространства и ареала «большой» евразийской интеграции как части и целого. Поясним также, что континентализм (continentalism) принято преимущественно рассматривать как совокупность идей, подходов и практик экспансии того или иного государства в пределах какого-либо материка, континента [17; 18], подчас противопоставляя их аналогичным устремлениям «морских» государств [19; 20]. В этой же связи собственно евразийский континентализм ранее соотносили исключительно с интересами России [21 — 23], хотя в последние годы в качестве его бенефициантов все чаще называют именно Китай [24; 25].

В постсоветских евразийских реалиях, характеризуемых сочетанием множественности разномасштабных и разновекторных пространственных экспансий с одновременно расширяющимися практиками партнерства, сотрудничества — уместно вести речь в целом, скорее, и о конкретных континентализмах (китайском, европейском, российском, турецко-тюркском, иранском и др.), и о едином евразийском континентализме, вкладывая в последний иной, чем ранее, обновленный смысл (учитывающий многосубъектность и полицентричность Евразии), ориентирующий на малоконфликтное, взаимовыгодное, взаимоподдерживающее соразвитие евразийских государств.

Именно с культивированием подобного рода континентализма связано, полагаем, формирование пространственной структуры Большой Евразии, выступающей для собственно российского пространства: 1) новой, лишь отчасти институализированной внешней рамкой и приоритетной экзогенной средой; 2) пролонгированным структурным «сдвигом»; 3) неким «своим другим», то есть совокупностью российских же территорий, вовлекаемых (явно, латентно либо потенциально) в «большие» евразийские интеграционные процессы и являющихся драйвером либо следствием трансформационных изменений, инициированных большей частью именно экзогенными, субглобальными факторами и обретающих при этом дополнительные возможности, видоизмененные характеристики, риски.

Связанные с «большой» евразийской интеграцией тренды и новации уже проявляются, существенны, но пока, разумеется, не «перекрывают» ни инерцию российского пространства, ни тем более глубинное его структурирование (центр-периферийную организацию, природно-хозяйственную и селитебную зональность, регионализм и др.). Потенциал их воздействия, равно как и многоаспектные территориальные социально-экономические (в том числе геокультурные, геополитические) последствия — во многом коррелируют с местом и ролью России в Евразии, в процессах становления ее обновленного «большого» контура.

Место и роль России в формирующейся Большой Евразии: общественно-географический аспект. Перед отечественными географами сейчас все более отчетливо вырисовываются контуры во многом новой реальности, которую им предстоит осознать и исследовать. Она связана в том числе с углубляющейся двойственностью, неустойчивостью и противоречивостью положения Российской Федерации в формирующейся Большой Евразии. С одной стороны, Россия в геопространственном отношении потенциально является ее крупнейшей составляющей как территориально, занимая 32 % Евразии, так и позиционно в силу обширности и конфигурации своих границ (при том что в 16 государствах, имеющих с РФ сухопутную коммуникацию, проживает почти 29 % населения материка). Эти обстоятельства объективно определяют не только трансевразийские транспортно-транзитные возможности нашей страны, но и ее геополитическую значимость (в том числе как «места сборки» самой Большой Евразии [8]). С другой стороны, для современной России по мере формирования «большой» евразийской целостности все более актуализированной становится не только фактическая (связанная

с последствиями распада СССР и усилением влияния на постсоветском пространстве иных «центров силы») утрата ее былых эксклюзивных геостратегических позиций, но и вероятностная, сопряженная с демографо-экономическими трендами и природно-климатическими особенностями перспектива «нецентральности».

По плотности населения Россия в 12 раз уступает среднему по евразийскому материка показателю; демографическое ее «присутствие» в Евразии (а «демография — это судьба»¹) последовательно сокращается: в 1970 г. — 4,6%, в 1990 г. — 3,7, в 2022 г. — 2,7%². Экономические же позиции весь постсоветский период демонстрируют крайнюю нестабильность (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление России с некоторыми государствами евразийского материка по объему и уровню развития экономики (Россия = 100)

Государство	Сопоставление по объему валового внутреннего продукта (ВВП) (по официальному обменному курсу)				Сопоставление по ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности)			
	1998	2008	2019	2022	1998	2008	2019	2022
Китай	378	277	843	802	45	38	55	59
Япония	1512	307	302	189	467	175	141	126
Германия	826	226	230	182	463	187	190	175
Индия	155	72	167	153	34	18	23	23
Великобритания	610	176	168	138	433	182	164	151
Франция	555	176	161	124	427	174	168	153
Италия	469	145	119	91	458	176	152	145
Республика Корея	141	63	98	75	247	149	144	139
Индонезия	35	31	66	59	80	38	41	40
Саудовская Аравия	54	31	50	49	697	243	163	163
Турция	102	46	45	40	164	80	93	103
Иран	41	25	17	18	183	86	49	50
Казахстан	8	8	11	10	119	89	91	85
Украина	15	11	9	7	70	47	44	35

Составлено по данным Всемирного банка (URL: <https://databank.worldbank.org>).

Постепенно нивелируя былую, возникшую в ранний постсоветский период масштабную диспропорцию в объеме своей экономики с ныне недружественными европейскими государствами, равно как и с Японией, Российская Федерация вступает в «большие» евразийские альянсы с государствами (в том числе ключевыми — Китаем, Индией), все последние десятилетия демонстрировавшими в целом опережающую (по сравнению с Россией) экономико-демографическую динамику. Это объективным образом ухудшает позиции нашей страны, снижает потенциал ее влияния на другие постсоветские государства (в том числе Южного Кавказа и Центральной Азии), одновременно придавая обширнейшим внутрироссийским территориям (в первую очередь — трансграничным) черты «двойной» полупериферии-периферии.

¹ Zakaria, F. 2024, The Self-Doubting Superpower. America Shouldn't Give Up on the World It Made, *Foreign Affairs*, URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/self-doubting-superpower-america-fareed-zakaria?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20231227 (дата обращения: 09.01.2024).

² Рассчитано по: World Population by Country 2024, database.earth, URL: <https://database.earth/population/by-country/> (дата обращения: 29.12.2023).

Выстраивая опорный каркас «большой» евразийской интеграции, инициируя и поддерживая трансграничный регионогенез с дружественными государствами, Россия в этих условиях должна развивать, реконструировать собственное пространство, сообразуясь с логикой и интересами евразийского континентализма и наряду с этим укреплять столетиями складывающуюся собственную архитектуру территории, функциональную сопряженность и иерархию урбанистических центров, межрегиональные взаимодействия, обеспечивая тем самым интегрированность страны, сохраняя пространственную (общественно-географическую) основу суверенного, геополитически гибкого, многовекторного пространственного развития.

Существенно также, что в отличие от Китая Россия не может выиграть в развернувшимся противостоянии с Западом по его правилам (что побуждает Запад, прежде всего США, эти правила решительно менять в своих интересах), поэтому вынуждена быть главным ревизионистом Евразии и всего мира¹, выступая против порядка, организованного не только без учета ее интересов, но и с четко выраженной тенденцией к постоянному усилению давления на нее по всем направлениям.

Начало СВО обозначило переход к принципиально новому этапу в развитии страны, хотя предпосылки для него вызревали на протяжении предыдущих лет. Наступает «звездный час» оборонной промышленности, что, кстати, не могут не признать и наши геополитические оппоненты². Ощутимый рывок в этом высокотехнологичном секторе происходит не только в традиционных центрах (Тула, Ижевск, Воткинск и др.), но и в относительно новых районах, подобных ОЭЗ «Алабуга» или Кубани³, что свидетельствует как о деглобализации, замыкании цепочек создания добавленной стоимости внутри страны или в пределах дружественных стран, так и о деметрополизации, частичном перемещении экономического роста из глобализованных городов и их агломераций в получившие новый импульс индустриальные центры.

Если исторический подвиг СССР состоял в том, что, не будучи внутренне свободной страной, он создал свободу выбора для незападных стран, на что неоднократно указывал С. А. Караганов, то исторический подвиг Китая заключался в развенчании представлений о безальтернативности либеральной модели развития, основанной на рыночной экономике в сочетании с плюралистической демократией в западной ее трактовке. Сейчас и Россия может повторить подвиг СССР, продемонстрировав Евразии и всему миру альтернативную модель пространственной организации, основанную на реиндустриализации и деметрополизации.

Можно (и должно!) ожидать позитивных сдвигов также в области российского образования и здравоохранения (занимая 51-ю строку в рейтинге «индекса человеческого развития», Россия и сейчас опережает практически всех своих евразийских

¹ Шупер, В. 2022, Россия как колыбель ревизионизма, 25.05.2022, *МДК Валдай*, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-kak-kolybel-revizionizma/> (дата обращения: 05.01.2024).

² Prokopenko, A. 2024, Putin's Unsustainable Spending Spree. How the War in Ukraine Will Overheat the Russian Economy, 08.01.2024, *Foreign affairs*, URL: https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/putins-unsustainable-spending-spree?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Putin's%20Unsustainable%20Spending%20Spree&utm_content=20240108&utm_term=FA%20Today%20-%20112017#author-info (дата обращения: 08.01.2024).

³ Сунцова, Ю. 2023, Конец фильмов. В Ижевске закрывают третий ТЦ под производство беспилотников, 15.09.2023, *Новые Известия*, URL: <https://newizv.ru/news/2023-09-15/konets-filmov-v-izhevsk-e-tretiy-tts-zakryvayut-pod-proizvodstvo-bespilotnikov-419358?ysclid=lo1rl3a1ta758528015> (дата обращения: 23.12.2023).

дружественных партнеров¹), а также столь необходимого наращивания научно-технологического потенциала (согласно «глобальному инновационному индексу»², у России в 2022 г. 47-я позиция, в то время как у Китая — 11-я, у Турции — 37-я, у Индии — 40-я), что наряду с общим социально-экономическим развитием в долгосрочной перспективе способно противодействовать «периферизации» нашей страны, нарастив ее возможности выступать одной из ключевых составляющих в крайне желательной реально (а не декларативно) полицентричной структуре Большой Евразии.

Многовекторность пространственного развития России: проблемные ситуации и направления в контексте формирования Большой Евразии. Будучи страной во многом приграничной и приморской (непосредственно к сухопутным и морским границам выходит 51 субъект Российской Федерации, что эквивалентно 77,5% ее территории), Россия характеризуется не только многососедством (что ранее подмечал А. И. Трейвиш [26]), но и фактической, еще рельефнее проявившейся в связи с формированием Большой Евразии многовекторностью своего пространственного развития.

В последнее время в русле «большой» евразийской интеграции в качестве важнейшего (в том числе в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года³) принято рассматривать именно «восточный вектор». Разделяя подобное понимание, акцентируем тем не менее необходимость (в целях преодоления практически неизбежной «ловушки мышления», связанной с линейным, поверхностным, лишенным поправки на специфику российского пространства) общественно-географической конкретизации «поворота» страны на Восток как не только собственно опережающего развития сибирских и дальневосточных территорий, испытывающих депопуляцию, при- и трансграничных, транспортно-транзитных, экспортоориентированных (вопрос об этом многократно ставился в [27—30]), но и пролонгации (переформатирования) возросшей в постсоветский период «мореориентированности» России, включая наращивание возможностей Северного морского пути [3]. Феномен евразийского континентализма следует воспринимать именно в этом расширенном контексте как идеологему (и практику) формирования (поддержки, стимулирования) собственно территориальных (внутриконтинентальных) и аква-территориальных интеграционных межстрановых, трансграничных структур и процессов.

Следует учитывать также, что наиболее логичной (и геостратегически выигрышной) реакцией российского пространства на «фактор Большой Евразии» (если рассматривать Россию в качестве именно одного из ведущих и суверенных акторов евразийской интеграции, а не полупериферии-периферии по отношению к динамично развивающимся экзогенным ее центрам) должен стать не только хозяйственно-селитебный «сдвиг» в пользу севера и востока страны (в особой мере приграничных, приморских территорий), но и одновременное укрепление его исто-

¹ Human Development Index (HDI) by Country 2024, World Population Review, URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/hdi-by-country> (дата обращения: 24.12.2023).

² Dutta, S., Lanvin, B., Rivera León, L., Wunsch-Vincent, S. (eds.). 2022, Global Innovation Index 2022: What is the future of innovation-driven growth? Geneva: WIPO, URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 24.12.2023).

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025, Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022), Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 23.12.2023).

рически сложившегося социально-экономического ядра (Московский регион с сопредельными регионами в сопряженности с Санкт-Петербургской агломерацией). Характерно, что в российском пространстве в последние годы (табл. 2) преваливала именно эта тенденция, дополняемая «южным вектором», связанным с агроэкспортом, логистикой, геополитикой [31] и в еще более существенной мере — с перераспределением демографического потенциала в пользу Юга России, его ведущих городских агломераций, приморских территорий, а также регионов Северного Кавказа.

Таблица 2

**Хозяйственные и демографо-селитебные «сдвиги»
в российском пространстве за 2015 — 2021 гг.**

Регион	Изменение доли федерального округа (субъекта федерации) в масштабе России, процентных пунктов		
	В численности населения	В валовом региональном продукте**	В инвестициях в основной капитал
Центральный федеральный округ, в том числе	+0,154	-0,06	+8,374
	+0,247	-0,37	+6,286
Москва			
Московская область	+0,281	+0,81	+3,149
Северо-Западный федеральный округ, в том числе	+0,082	+2,75	-1,331
	+0,096	+2,64	-0,119
Санкт-Петербург	+0,093	-0,07	+0,170
Ленинградская область			
Калининградская область	+0,034	-0,03	-0,169
Южный федеральный округ, в том числе	+0,100	-0,49	-1,043
	+0,112	-0,30	-0,564
Краснодарский край			
Северо-Кавказский федеральный округ	+0,209	-0,38	-0,158
Приволжский федеральный округ, в том числе	-0,371	-1,38	-3,188
Татарстан	+0,024	+0,01	-1,411
Уральский федеральный округ, в том числе	+0,037	+0,01	-4,748
Тюменская область (с АО)	+0,122	+0,47	-4,256
Сибирский федеральный округ	-0,890	-0,38	+0,952
Дальневосточный федеральный округ	-0,058	-0,05	+0,945

Составлено по данным Росстата (Регионы России. Социально-экономические показатели. М., Росстат, 2023, с. 43—44, 460—461, 477—478).

Статистически фиксируемая (табл. 2) активизация инвестиционной активности в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах симптоматична, но пока не дополняется аналогичными позитивными сдвигами ни в демографии (в 16 регионах СФО и ДФО из 21 наблюдается депопуляция), ни в промышленности (наивысшие темпы индустриального роста в 2023 г. демонстрирует Центральный федеральный округ), ни в жилищном строительстве (на два восточных федеральных округа приходится 12% вводимого в стране жилья, но 17% ее населения¹. Можно

¹ Расчеты по данным Регионы России. Социально-экономические показатели 2023, *Росстат*, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 29.12.2023).

в этой связи констатировать, что инкорпорирование в структуры формирующейся Большой Евразии идет во многом одновременно (и в связи) с воспроизводством ранее сложившейся территориально-хозяйственной и селитебной архитектуры России, с усилением присущих ей черт, характеризующихся как «москвоцентризм» [32], а в более широком контексте — и общая западоцентричность.

Сложность российского пространства в итоге нарастает. Усиливается и глубинное противоречие между его «евразийской автономией» (высвечиваемое дихотомией Малой и Большой Евразии [8], культивированием представлений о России как о «Севере» [33], «Северной Евразии» [34]) с характерными для нее доминирующими центристскими (столицеориентированными) трендами и перспективой новой (уже не европейской, а именно евразийской) интернационализации российских регионов и отдельных муниципальных образований, обретением ими геостратегической многовекторности с сопутствующими социально-экономическими «разрывами» и геополитическими рисками.

Опорный каркас «большой» евразийской интеграции: феномен Сибири

Сибирь жизненно важна (с исторических, геополитических, экономических, военно-стратегических и других позиций) как для позиционирования России в Большой Евразии, так и для самого существования российской государственности. Нарастание евразийских партнерств (в первую очередь с Китайской Народной Республикой) требует, в свою очередь, предельно пристального внимания к феномену современной Сибири (не только воспринимаемой в качестве «срединного региона России» [35, с. 93], но и отождествляемой с «ядром» новой конфигурации Российской Федерации в системе евразийских взаимодействий [36]), к ее делимитации (а спектр бытующих представлений здесь предельно широк [37]), возможностям сохранения ее демографического потенциала, развития экономики, более плотного и эффективного (в том числе для местного населения) инкорпорирования сибирских территорий в общероссийское хозяйственное и селитебное пространства. Решать эти задачи необходимо системно и одновременно адаптивно, понимая Сибирь как единое (исторически, коммуникационно, ментально) пространство (в Большой Евразии единство сибирских территорий, вне сомнения, усиливается) и наряду с этим воспринимая этот российский мегарегион во всей его фактической сложной географической структурированности, многообразии условий и форматов пространственного социально-экономического развития (включая и потенциал трансграничной регионализации, смещенный ныне к китайско-российскому приграничью, к полосе Транссиба, а также, в Арктической зоне, к инфраструктуре Северного морского пути).

Специфика Сибири предопределяется не только степенью ее «приближенности» к ведущим в социально-экономическом отношении государствам Азии, но и преобладающим внутриконтинентальным положением на очень большом удалении от незамерзающих морей и океанов, основных внутренних и внешних рынков сбыта, что обуславливает повышенный уровень транспортных издержек в конечных ценах продукции и, соответственно, ее дополнительное удорожание. Это крупнейший на планете массив суши, который, несмотря на суровость природно-климатических условий и малую населенность большей части территории, обладает уникальными ресурсно-сырьевыми богатствами и мощными индустриальными центрами. Сибирь (включая Тюменскую область с автономными округами, в последние годы все более экономико-географически тяготеющими к Уралу) фактически выступает самым большим донором бюджетно-финансовой системы

страны: ее доля в поступлении налогов в федеральный бюджет составляет 45 %. Согласимся с Д. В. Трениным в том, что именно владение Сибирью делает Россию крупнейшим государством мира и в геополитическом отношении обеспечивает ей статус великой державы [38].

Радикальное изменение в 2022 г. геополитической ситуации порождает новые возможности развития для глубинных и восточных российских макрорегионов (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), что определяется необходимостью формирования относительно самодостаточной экономики, благоприятными предпосылками «новой индустриализации», позиционированием в качестве «глубокого стратегического тыла». Прогнозируемый сдвиг на восток экономической активности — индустриальной — в Сибирь, на Урал и в Поволжье, транспортно-логистической — в приморские зоны Дальнего Востока — повлечет, хотелось бы надеяться, в том же направлении и смещение населения (хотя и в меньших размерах). Это, в свою очередь, укрепит позиции России в форматах «большого» евразийского партнерства.

Новые позитивные перспективы развития Сибири в рамках Большой Евразии просматриваются в трех направлениях [39]. Во-первых, расширяются возможности использования принципа «континентальных соседств»: выход сибирских регионов по транспортным коридорам на ближние внутриматериковые рынки позволит резко сократить транспортные издержки, ограничив дорогостоящее подключение к мировому рынку, где доминируют развитые приморские страны. К примеру, расстояния экспортных перевозок по железным дорогам из центральной части Сибири (Кемеровская область) к основным отечественным морским портам исключительно велики: к портам на Балтийском море — 4,1 тыс. км, на Черном — 4,6, на Баренцевом — 5,0, на Японском — 5,8 тыс. км. В то же время удаленность от столиц соседних стран существенно меньше: от Астаны — 1,5 тыс. км, от Улан-Батора — 2,7, от Ташкента — 2,9, от Пекина — 4,0 тыс. км. При создании планируемых меридиональных транспортных коридоров расстояния от Кемеровской области до внутренних городов Китая — Урумчи и Ланьчжоу — будут меньше, чем до отечественных морских портов, а до таких столиц, как Исламабад, Кабул и Дели, — вполне сопоставимы. Важны не только расстояния перевозок, но и сами транспортно-логистические схемы. Конкурентоспособность экспорта Сибири в сопредельные страны Большой Евразии по сравнению с действующими вариантами его организации будет намного выше по ключевому показателю транспортных издержек, поскольку исключаются дополнительные затраты по перевалке на суда доставленных в порты грузов, их протяженной морской перевозке, последующей перевалке на сухопутный транспорт.

Во-вторых, усиление международного взаимодействия создает предпосылки к углублению переработки сибирского сырья на месте путем организации (когда это экономически обосновано и ресурсообеспечено) высоких и конечных переделов, получения конкурентоспособных видов полуфабрикатов и готовой продукции, востребованных на внешних рынках. Необходимо стремиться при этом к паритетным условиям торговли и организации эффективного разделения труда между Сибирью и странами Большой Евразии. Примером обоснования, хотя и требующего дополнительной проработки, конкурентных преимуществ восточных регионов служит проект «Новый Ангарстрой», предусматривающий создание в Восточной Сибири крупнейшего металлургического производства полного цикла [40]. Реализация данного проекта предполагает выпуск и экспорт массовой продукции с высокой глубиной переработки сырья, что способно обеспечить сотрудничество России и Китая на взаимовыгодной основе.

В-третьих, мощным средством более тесной хозяйственной консолидации глубинных территорий Большой Евразии следует считать создание международных транспортных коридоров, перевозки по которым намного дешевле, чем по остальной сети, а зоны их непосредственного влияния обладают наилучшим потенциалом экономического развития и роста городов. Создание на базе Транссиба высокоэффективного коридора должно означать сооружение с помощью применения новых технических решений (например, в эстакадном надземном исполнении) такой сверхмагистральной, которая обеспечит коренное сокращение транспортных издержек и значительное увеличение пропускной способности. Угнетающее влияние фактора ультраконтинентальности на экономику Сибири будет во многом устранено, а ее южный широтный пояс, прилегающий к модернизированному Транссибу, станет приоритетным для «новой индустриализации» за счет локализации перерабатывающих производств.

При развитии Сибири в рамках формирующейся Большой Евразии возникают и проблемные ситуации. Назовем лишь две транспортно-логистического и внешнеторгового характера. Первая относится к трудностям диверсификации экспортных потоков сырья в страны «незападного» мира. Масштабы требуемой переориентации экспорта столь велики, что имеющиеся мощности железнодорожных магистралей и дальневосточных портов не позволяют в полной мере перенаправить сырьевой экспорт на Китай, Индию и другие азиатские страны. Другая проблема связана с рисками внешнеторговой конкуренции с соседними евразийскими странами. Так, из-за однотипности осваиваемых природных ресурсов и экспортной специализации Монголия и восточные регионы России начинают конкурировать между собой на внешних рынках минерального сырья — угля и меди. Магистральный путь решения обеих проблем состоит в увеличении глубины переработки сырья, вследствие чего снижается нагрузка на транспорт, рентабельные расстояния перевозки многократно увеличиваются, а размеры рынков сбыта расширяются.

Один из главных приоритетов пространственной политики России должен состоять в планомерном использовании того неоспоримого факта, что Сибирь является не только важнейшим материально-производственным базисом экономики страны, но и основным ее опорным макрорегионом в деле укрепления хозяйственных связей с партнерами по Большой Евразии. Надо с полной ясностью понимать, что «сегодня необъятная сибирская земля — уже не просто далекая азиатская провинция... Теперь судьба России зависит от Сибири. Ее развитие будет определять расцвет или дальнейшее падение страны» [41, с. 717].

«Москвоцентризм»

в многополюсной «Большой Евразии»: pro et contra

На фоне процессов, связанных с формированием Большой Евразии, вновь зазвучали голоса о необходимости переноса столицы из Москвы в Сибирь, которая, по мнению авторов подобной идеи, становится центром торговых потоков, территорией, приближенной к ключевым мировым точкам экономического роста, а с началом СВО и удаленной от недружественных стран. Эта дискуссия наслаивается на традиционные представления о том, что Москва является своего рода «злом» для остальных российских регионов (вытягивает из них население и финансовые ресурсы), а в конечном итоге и для экономики страны и себя самой, не будучи способной развиваться быстрыми темпами на фоне проблем чрезмерной концентрации населения.

Москва, действительно, представляет собой основной центр притяжения внутрироссийских мигрантов [42]; постоянное увеличение концентрации населения (за постсоветский период численность населения Москвы выросла, по данным Росстата, с 9,068 млн чел. на начало 1992 г. до 13,104 млн чел. на начало 2023 г., или с 6,1 до 8,9 % от всего населения страны) сопряжено не только с положительными эффектами, но и с целым рядом проблем, прежде всего транспортных и экологических [43; 44]. В Москве один из самых низких в стране показателей обеспеченности жильем на душу населения. Переезд в Москву жителей других регионов, преимущественно из близлежащих (Центральной России), лишает их части рабочих рук для развития [45].

Тема «москвоцентричности» поднималась и ранее [32] с объяснением того, что это результат складывающейся на протяжении очень длительного периода времени территориальной организации российского общества; «москвоцентричность» неизбежна, но ее негативные моменты (как для самого города, так и других регионов) могут и должны смягчаться. Современные условия подтверждают этот постулат, давая новые аргументы в его пользу. Прежде всего в ситуации, когда Россия не является доминирующей в Большой Евразии ни по численности населения, ни по размеру экономики, крайне важно поддержание статуса страны, ее способности «на равных» взаимодействовать с другими ведущими евразийскими государствами. Одним из ключевых условий для этого выступает наличие в стране глобальных городов, входящих в мировые рейтинги, а Москва как раз таковым и является [46; 47] (из российских городов статусом глобального обладает еще Санкт-Петербург, но он сейчас явно не конкурент Москве). Столица страны — ее своего рода «визитная карточка», и совершенно очевидно, что ни один другой город (уже существующий или построенный «с нуля») в сколько-нибудь обозримой перспективе сравниться с Москвой не сможет.

«Москвоцентричность» проявляется и в очень высокой концентрации в столице научно-технологического потенциала. В 2022 г. на Москву приходилось 31,1 % всей численности российского персонала, занятого научными исследованиями и разработками, и еще 12,5 % — на Московскую область, в совокупности на столичный регион — 43,6 %. По Санкт-Петербургу этот показатель составлял 10,5 %, тогда как по лидирующей на востоке страны Новосибирской области — только 3,0 % (это 5-е место в стране после Нижегородской области). В условиях, когда России необходимо ускоренными темпами решать задачу обеспечения технологического суверенитета, ведущий вклад в это Москвы и Подмосковья неизбежен. При этом в Москве имеется и высокотехнологичная промышленность, и потенциал ее развития [48].

Вклад Москвы в общероссийские показатели, место города по индикаторам уровня социально-экономического развития уже неоднократно обсуждались в научной литературе, в том числе весьма подробно в [49]. Но стоит сказать, что на сегодняшний день нет сколько-нибудь убедительных доказательств того, что Москва исчерпала потенциал своего развития. Социально-экономическая динамика столицы в постсоветский период не была равномерной — на отдельных временных интервалах город демонстрировал темпы роста как выше, так и ниже общероссийских показателей (что может быть результатом не только объективных преимуществ или проблем развития, но и следствием разной степени успешности реализуемой в Москве экономической политики). При этом примечательно, что в последние годы по индексу выпуска товаров по базовым видам экономической деятельности (который в отличие от ВРП публикуется оперативно, в том числе в ежемесячной динамике, и отражает положение в реальном секторе экономики) ситуация в Москве была лучше среднероссийской, тогда как об опережающем развитии востока страны говорить пока не приходится (табл. 3).

Таблица 3

**Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности
(к соответствующему периоду предыдущего года), %**

Год	РФ	ЦФО	Москва	Московская область	СФО	ДФО
2018	103,5	105,0	104,3	111,4	102,7	103,8
2019	102,4	105,5	104,5	110,7	102,6	108,7
2020	98,0	103,2	105,2	106,5	98,3	101,8
2021	106,7	116,6	123,0	123,1	106,0	106,5
2022	99,3	100,2	101,1	98,3	101,6	101,3
2022 к 2017	110,0	133,6	142,6	158,9	111,6	123,9
2023	105,1	111,5	114,9	109,6	99,1	106,3

Составлено по данным Росстата¹. Данные за 2023 г. — предварительная оценка.

Вряд ли оправданно анализировать Москву в отрыве от Московской области — сейчас их совместное рассмотрение типично для исследований по миграциям, расселению, но не по экономике (к примеру, ситуация с жилищным строительством в столичном регионе выглядит совершенно иначе, чем в официальных границах города). Показатели по самой Москве также далеко не всегда могут однозначно интерпретироваться. Например, уровень среднедушевых денежных доходов населения в Москве в 2000 г. был в 3,5 раза выше среднероссийского, в последние десять лет — в пределах 2,0—2,2 раз (на основе чего можно сделать вывод о потере столицей своих преимуществ), но если в 2000 г. доля оплаты труда в доходах населения составляла 20 %, тогда как почти 40 % приходилось на другие доходы, включая скрытые, то в последние годы на оплату труда приходится около 2/3 доходов, а отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в Москве к среднероссийскому показателю выросло с 1,5 до 1,9—2,0 раз². Тем не менее, совершенно очевидно, что уровень жизни в Москве по очень многим параметрам выше по сравнению с другими регионами (и даже по ожидаемой продолжительности жизни, несмотря на экологические проблемы, немного уступает лишь двум северокавказским республикам). Поэтому столичный регион в ближайшие годы вряд ли утратит свою миграционную привлекательность, причем уже сейчас Москва и Московская область — это почти 15 % российского населения и более четверти суммарного по регионам валового продукта. Лидирующая роль региона в развитии России определяется и ее центральным положением в транспортной системе страны, и в силу этого именно Москва продолжит играть основную роль в наращивании столь необходимой связности российского пространства (особенно с учетом реализуемых и планируемых проектов строительства транспортных магистралей).

Сказанное отнюдь не означает, что не должны предприниматься усилия (особым образом необходимые в современных геоэкономических и геополитических обстоятельствах) по формированию условий для ускоренного экономического развития и повышения качества жизни за пределами столичной агломерации. Поэтому федеральным органам власти традиционно придется искать баланс в распределении бюджетных ресурсов между разными типами территорий. Тем не менее именно Москва (и в целом Московский регион, вся Центральная России как уже проявляю-

¹ Росстат, 2024, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IVBO_OKVD2_02-2024.xlsx (дата обращения 07.04.2024) ; Росстат, 2024, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IVBO-sub-RF_01-2024.xlsx (дата обращения: 07.04.2024).

² Расчеты автора по данным: Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации, 2023, *Росстат*, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 30.12.2023).

щая себя территориальная социально-экономическая целостность) будет выступать одним из узловых элементов формирования Большой Евразии. Она же призвана «стягивать» российское пространство, обеспечивать его целостность в условиях неизбежного роста экзогенных хозяйственных и социокультурных воздействий, порожденных «большой» евразийской интеграцией.

«Муниципализация» подходов к стратегированию пространственного развития в контексте «большой» евразийской интеграции. Трансформация российского пространства под влиянием «фактора Большой Евразии» наслаивается и на сложившуюся логику выстраивания федеральной пространственной политики. В 2025 г. заканчивается срок действия утвержденной Правительством РФ в начале 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации (СПР), и уже дано поручение премьер-министра страны представить в 2024 г. новую концепцию этого документа, причем «с учетом текущих геополитических вызовов, региональных и муниципальных приоритетов»¹.

СПР образца 2019 г. стала первым федеральным документом, в котором значимое внимание уделено не только регионам (субъектам РФ) и макрорегионам (в широком их смысле), но и внутрирегиональной дифференциации. Однако в полной мере реализовать полимасштабный подход тогда не удалось. В дальнейшем продвижение в этом направлении продолжилось, вносящиеся в 2021—2022 гг. дополнения и изменения в СПР в некоторой степени усилили ее «муниципализацию». В рамках работы над новой СПР необходимо, на наш взгляд, дальнейшее усиление внимания к муниципальной проблематике, в том числе с учетом процессов евразийской интеграции.

Кардинальное изменение структуры российских внешнеэкономических связей, связанное со сдвигом на восток и юг, обсуждается в России в первую очередь с точки зрения развития российских макрорегионов. Однако для последних это влияние проявляется скорее опосредованно, тогда как непосредственно затрагивает муниципальные образования, разные их типы. Прежде всего это муниципалитеты, напрямую задействованные в обеспечении внешнеторговых потоков — с морскими портами, сухопутными погранпереходами, центрами приграничной логистики. Первоначальная версия СПР ограничилась отнесением к геостратегическим территориям полностью приграничных субъектов РФ — независимо от соотношения в них реально приграничных и неприграничных территорий; в 2022 гг. СПР дополнили понятием «приграничные муниципальные образования», однако и у них степень реального участия во внешних связях совершенно разная. Поэтому важно выделение особого типа муниципалитетов, выполняющих важнейшую функцию «ворот» России в другие страны.

Аналогичная ситуация складывается с развитием транспортных коридоров или крупных транспортных магистралей. Они обеспечивают связность макрорегионов, субъектов Федерации, но напрямую влияют непосредственно на территории прохождения таких магистралей, создавая условия для формирования не только «точек», но и «осей» экономического роста. Такое понятие — «ось развития» — в нынешней СПР вообще отсутствует, хотя хорошо известно из центр-периферийных концепций. Новые, сопряженные с Большой Евразией «оси развития» могут стать местом создания самых разнообразных производств, ориентированных на поставки продукции как на внутренние, так и на внешние рынки, что позволит получить максимальную отдачу от сооружения транспортных магистралей. Но реализация этой задачи скорее всего потребует дополнительных решений, направленных на

¹ Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии по развитию инфраструктуры, 24.11.2023, *Правительство России*, URL: <http://government.ru/news/50202/> (дата обращения: 30.11.2023).

использование преимуществ выгодного географического положения — введения, если необходимо, преференциальных режимов ведения хозяйственной деятельности (особых экономических зон, территорий опережающего развития), достройки необходимой инфраструктуры.

Значима «муниципализация» подходов и в рамках реализации научно-технологической политики, решения задачи обеспечения технологического суверенитета страны. Научно-исследовательские центры и связанные с ними производства высокотехнологичной продукции имеют вполне конкретную локализацию, причем далеко не всегда это крупные города или города, имеющие формальный статус наукограда (а таковых в России всего 13). Важно обеспечить условия для развития всей совокупности российских городов науки, а для этого необходимо как минимум сформировать представление об их реальном числе, социально-экономическом положении, трендах и перспективах развития. В этой связи стоит обратить особое внимание на то, что система аналитического мониторинга муниципального развития в России со времени принятия СПР так и не была налажена, а решение этой задачи крайне необходимо.

Формирование Большой Евразии требует нового взгляда и на другие типы муниципальных образований. Например, сдвиги в российской пространственной структуре на восток и юг должны привести к укреплению крупнейших городов — центров соответствующих макрорегионов, включая повышение их значимости в международных взаимодействиях. В конечном итоге претендовать на статус глобальных городов должны не только Москва и Санкт-Петербург. При сохранении общих, неизбежно весьма инерционных, трендов пространственного развития евразийская интеграция внесет коррективы в формирование общей картины дифференциации муниципальных образований по динамике экономического развития, ведя к формированию новых центров роста, повышению их миграционной привлекательности и, соответственно, углублению рисков деградации периферийных территорий. «Муниципализация» федеральной политики, в свою очередь, потребует также соответствующего научного, экспертного сопровождения, а для этого важно существенно повысить «присутствие» местного (муниципального) уровня в исследованиях по социально-экономической географии и региональной (пространственной) экономике.

Заключение

Приоритетная, предельно актуализированная задача российских географов-обществоведов — преодолевать катастрофическое отставание в осознании тех тектонических геоэкономических и геополитических сдвигов, которые, воздействуя на пространство, проявляясь в новых территориально-хозяйственных и селитебных структурах и процессах, радикально меняют картину мира, в том числе географическую. Первостепенный шаг в этом направлении связан с изучением «большой» евразийской интеграции, во многом обусловленной как общим смещением экономического и демографического потенциала материка Евразия на его восток и юг, так и резко обозначившимися проявлениями деглобализации и региональной фрагментации, катализируемыми конфликтом между Россией и коллективным Западом. Чрезвычайная сложность Большой Евразии как объекта исследования (мегаструктуры пока лишь формирующейся, полицентричной, разнородной, асимметричной, с «размытыми» границами, испытывающей постоянные метаморфозы) и специфика ее сопряжения с российским пространством (не сводимая к части и целому) порождают множественность проблемных областей и конкретных направлений научного поиска (в статье мы попытались акцентировать ключевые из них, являющиеся тем не менее лишь «верхушкой айсберга»). Неизбежное, все более существенное в перспективе внимание к данной проблематике предопределяет настоятельную

необходимость соответствующей «донастройки» исследовательских подходов на основе синтеза адаптированной к современным реалиям глобалистики (субглобалистики, познания динамики и архитектуры «больших пространств»), евразийских исследований (в их расширенном географическом формате), геополитики, геоэкономике, проблемного страноведения, а также трансграничного регионоведения и общественно-географического изучения России (ее регионов, муниципальных образований), в свою очередь, ориентированного на решение общеконцептуальных и прикладных вопросов стратегирования пространственного развития.

Раздел «Феномен «Большой Евразии» и его воздействие на пространственную динамику России: концептуальный подход» подготовлен А. Г. Дружининым по теме ГЗ Института географии РАН (№ FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы»). Раздел «Место и роль России в формирующейся «Большой Евразии»: общественно-географический аспект» подготовлен А. Г. Дружининым и В. А. Шупером по теме ГЗ Института географии РАН (№ FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы»). Раздел «Многовекторность пространственного развития России: проблемные ситуации и направления в контексте формирования Большой Евразии» подготовлен А. Г. Дружининым по плану НИР Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (тема № 7 «Развитие методологических подходов к разработке стратегий и прогнозов социально-экономического развития российских регионов (макрорегионов)»). Раздел «Опорный каркас «большой» евразийской интеграции: феномен Сибири» подготовлен Л. А. Безруковым по теме ГЗ Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (№ АААА-А21-121012190018-2). Раздел «Москвоцентризм» в многополюсной «Большой Евразии»: pro et contra» подготовлен О. В. Кузнецовой по плану НИР Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (тема № 7 «Развитие методологических подходов к разработке стратегий и прогнозов социально-экономического развития российских регионов (макрорегионов)»). Раздел «Муниципализация» подходов к стратегированию пространственного развития в контексте «большой» евразийской интеграции» подготовлен О. В. Кузнецовой за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Караганов, С. А. 2021, О третьей холодной войне, *Россия в глобальной политике*, т. 19, № 4 (110), с. 21—34, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
2. Дружинин, А. Г. 2021, Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону, Изд-во Южного федерального университета, 270 с. EDN: KQJEXM
3. Дружинин, А. Г. 2023, Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
4. Ворожеина, Я. А., Клемешев, А. П., Комлева, Н. А., Дружинин, А. Г., Белозеров, В. К., Федоров, Г. М., Волощенко, К. Ю. 2023, Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 153—169, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9>
5. Разумовский, В. М., Федоров, Г. М., Бездудная, А. Г. 2019, Российская Балтика в евразийском пространстве, *Проблемы современной экономики*, № 3 (71), с. 38—40. EDN: EXRJHC
6. Шупер, В. А. 2016, Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов, *Балтийский регион*, т. 8, № 4, с. 7—17, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-1>

7. Безруков, Л. А. 2018, Географический смысл создания «Большой Евразии», *География и природные ресурсы*, № 4, с. 5—14. EDN: YPXHGX
8. Ефременко, Д. В. 2016, Рождение Большой Евразии, *Россия в глобальной политике*, т. 14, № 6, с. 28—45.
9. Котляков, В. М., Шупер, В. А. 2019, Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век, *Вопросы географии*, № 148, с. 357—372. EDN: EUBERT
10. Торкунов, А. В., Стрельцов, Д. В., Колдунова, Е. В. 2020, Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 8—21, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>
11. Лукин, А. В. 2020, Россия и Китай в Большой Евразии, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 46—59, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04>
12. Яковец, Ю. В., Растровцев, Е. Е. 2017, *Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад*. М., Междунар. ин-т Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, 64 с.
13. Шуцунь, В., Цинсун, В. 2014, Проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры, *Обозреватель*, № 10 (297), с. 56—68. EDN: STBXCXV
14. Ильин, Е. Ю. 2015, Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы, *Вестник МГИМО-Университета*, № 2, с. 84—92. EDN: TVRGZV
15. Вардомский, Л. Б. 2019, Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 4, с. 110—126. EDN: XKPLFN
16. Дынкин, А., Телегина, Е., Халова, Г. 2018, Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 62, № 4, с. 5—24, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-4-5-24>
17. Calder, K. E. 2012, *The new continentalism: energy and twenty-first-century Eurasian geopolitics*, Yale University Press, <https://doi.org/10.2307/j.ctt1nq6c5>
18. Vevier, C. 2004, American Continentalism: An Idea of Expansion, 1845—1910, in: Duden, A. P. (ed.), *American Empire in the Pacific*, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315262888>
19. Gresh, G. F. 2018, Introduction: Why Maritime Eurasia? In: Gresh, G. F. (eds.), *Eurasia's Maritime Rise and Global Security*, *Palgrave Studies in Maritime Politics and Security*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71806-4_1
20. Gray, C. S. 1988, Ocean and continent in global strategy, *Comparative Strategy*, vol. 7, № 4, p. 439—444.
21. Calder, K. E. 2019, *Super continent: The logic of Eurasian integration*, Stanford University Press.
22. Smith, G. 2004, The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism, *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 24, № 4, p. 481—494, <https://doi.org/10.1111/j.0020-2754.1999.t01-2-00481.x>
23. Sakwa, R. 2015, Russian Neo-Revisionism and Dilemmas of Eurasian Integration, In: Kanet, R. E., Sussex, M. (eds.), *Power, Politics and Confrontation in Eurasia*, Palgrave Macmillan, London, https://doi.org/10.1007/978-1-137-52367-9_6
24. Zheng, Y. 2021, Rediscovering continentalism: the new geographic foundations of Chinese power, *International Politics*, vol. 58, p. 188—222, <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00206-7>
25. Pepe, J. M. 2018, Beyond China: The Return of the Eurasian Order, In: Schulze, P. W. (eds.), *Multipolarity: The Promise of Disharmony*, p. 211—228.
26. Трейвиш, А. И. 2009, Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., Новый хронограф. EDN: SUOTFD
27. Гильмундинов, В. М., Панкова, Ю. В. 2023, Пространственное развитие России в условиях внутренних и внешних вызовов, *Проблемы прогнозирования*, № 4 (199), с. 82—93, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93>
28. Клепач, А. Н., Михеева, Н. Н. 2020, Реалии и возможности в мегапроекте «Русский ковчег», *ЭКО*, № 8, с. 66—86, <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-66-86>
29. Крюков, В. А., Селиверстов, В. Е. 2022, Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий, *Российский экономический журнал*, № 5, с. 22—40. doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-22-40
30. Кузнецова, О. В. 2019, Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем, *Пространственная экономика*, т. 15, № 4, с. 107—125, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>

31. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2023, «Южный вектор» в пространственном развитии постсоветской России: основные факторы и проявления, *Федерализм*, № 2, с. 5—26, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26>
32. Дружинин, А. Г. 2018, Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 29—42, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.04>
33. Головнев, А. В. 2022, *Северность России*, Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. EDN: WBEYXR
34. Замятин, Д. Н. 2023, Северная Евразия на стыках планетарных геокультур: сопоставленность и пограничность, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 7, с. 103—117, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-103-117>
35. Бандман, М. К. 1994, Геополитическое значение Сибири после распада СССР, *Известия РАН. Серия географическая*, № 3, с. 85—93.
36. Кулешов, В. В., Селиверстов, В. Е. 2023, Регионы Сибири в новой геополитической и экономической ситуации и в трансформирующейся системе евразийских взаимодействий, *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки*, т. 16, № 9, с. 1488—1496. EDN: SEMWYM
37. Druzhinin, A. G., Dets, I. A. 2021, Problems and prospects of Siberian inland territories' development in the context of Russian marine economic activity, *Czasopismo Geograficzne*, vol. 92, № 1, p. 5—24, <https://doi.org/10.12657/czageo-92-01>
38. Тренин, Д. В. 2021, *Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия*, М., Альпина Паблишер.
39. Безруков, Л. А. 2019, Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности, *Вопросы географии*, № 148, с. 228—262. EDN: DTACGD
40. Никольский, А. Ф. 2021, Что такое сверхкомбинат? *ЭКО*, т. 51, № 3, с. 106—121, <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2021-3-106-121>
41. Хесли, Э. 2021, *Сибирская эпопея*, М., Паулсен.
42. Мкртчян, Н. В. 2019, Роль Московского столичного региона как крупнейшего центра внутрироссийской миграции, *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*, т. 17, с. 252—268, https://doi.org/10.29003/m820.sp_ief_ras2019/252-268
43. Ревич, Б. А., Кузнецова, О. В. (ред.). 2018, *Человек в мегаполисе: Опыт междисциплинарного исследования*, М., УРСС. EDN: GVVSSQA
44. Кузнецова, О. В. 2018, Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов, *Проблемы развития территорий*, № 5 (97), с. 26—40, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2>
45. Дружинин, П. В. 2022, Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа, *Пространственная экономика*, т. 18, № 3, с. 115—140, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
46. Хомякова, К. Л. 2021, Москва — глобальный город: особенности развития и социальные проблемы, *Социология*, № 2, с. 30—35.
47. Александрова, А. Ю. 2015, Рейтинги глобальных городов мира как туристских дестинаций и место в них Москвы, *Региональные исследования*, № 3 (49), с. 122—130. EDN: VBLTNJ
48. Маршова, Т. Н. 2021, Проблемы и перспективы развития промышленности Москвы, *Регион: экономика и социология*, № 4, с. 97—131, <https://doi.org/10.15372/REG20210404>
49. Андропова, Л. Н., Ланцова, Н. М. 2022, Особенности социально-экономического развития Москвы в современных условиях, *Вопросы территориального развития*, т. 10, № 1, <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.1.61.2>

Об авторах

Леонид Алексеевич Безруков, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Россия.

E-mail: leonid4420@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3459-8488>

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем. Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

Вячеслав Александрович Шупер, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: vshuper@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9096-3211>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

RUSSIA'S SPATIAL DEVELOPMENT AND THE EMERGING GREATER EURASIA: FACTORS, TRAJECTORIES AND PRIORITIES

L. A. Bezrukov¹

A. G. Druzhinin^{2, 3, 4}

O. V. Kuznetsova⁴

V. A. Shuper³

¹ V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664033, Russia

² Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

³ Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 29 Staromonetny pereulok, Moscow, 119017, Russia

⁴ Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 47 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, 117418, Russia

Received 21 January 2024

Accepted 05 April 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-2

© Bezrukov, L. A., Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V., Shuper, V. A. 2024

Contemporary Russia's spatial development is markedly affected by profound geoeconomic and geopolitical shifts, progressively more visible in terms of magnitude and repercussions. For Russia, the positive impact of these changes has become increasingly linked to the emergence of

the Greater Eurasia macro-structure. This article aims to develop a contemporary conceptual approach to Greater Eurasia as a socio-geographical mega-structure given Russia's opposition to the collective West. Additionally, it seeks to identify, using this approach, the strategic interests, opportunities and limitations of Russia's spatial dynamics on the path towards Eurasian continentalism, which promotes transboundary cooperation and mutually supportive co-development of Eurasian states. The focus of this contribution is on the most crucial contemporary trends and principal contradictions in the transformation of the Russian space. The study provides a picture of the framework of 'greater' Eurasian integration, emphasising its connection to intensifying interregional and inter-municipal interactions. A rationale is outlined for shifting the country's economic activity towards the east and north, with priorities identified given the inertia of spatial processes and the growing significance of Siberia in the Russian space. The potential and efficiency of prolonging the 'Moscow-centric' arrangement of the Russian space are assessed from the perspective of ensuring the multidirectional development of the latter. Special attention is paid to the 'municipalisation' of approaches to the strategic planning of Russia's spatial development in the context of Eurasian continental integration.

Keywords:

spatial development, integration processes, municipalities, Greater Eurasia, Eurasian continentalism, Russia, Siberia

References

1. Karaganov, S. A. 2021, About the Third Cold War, *Russia in Global Affairs*, vol. 19, № 4, p. 21–34, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34> (in Russ.).
2. Druzhinin, A. G. 2021, The ideas of classical Eurasianism and modernity: a human-geographical analysis, Rostov-on-Don, *Southern Federal University*. EDN: KQJEXM (in Russ.).
3. Druzhinin, A. A. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-soviet Russia: the Baltic case, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 6–23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
4. Vorozheina, Y. A., Klemeshev, A. P., Komleva, N. A., Druzhinin, A. G., Belozherov, V. K., Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu. 2023, Geopolitical security of Russia: remarks on the problem statement, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 153–169, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9>
5. Razumovsky, V. M., Fedorov, G. M., Bezdudnaya, A. G. 2019, Russian Baltics in the Eurasian space (Russia, St. Petersburg, Kaliningrad), *Problems of modern economics*, № 3 (71), p. 38–40. EDN: EXRJHC (in Russ.).
6. Shuper, V. A. 2016, Eurasian Future of Russia: Alternating Integration and Disintegration Cycles, *Baltic Region*, vol. 8, № 4, p. 7–17, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-1>
7. Bezrukov, L. A. 2018, The geographical implications of the creation of "Greater Eurasia", *Geography and Natural Resources*, vol. 39, № 4, p. 287–295, <https://doi.org/10.1134/S1875372818040017>
8. Efremenko, D. V. 2016, The Birth of Greater Eurasia, *Russia in Global Affairs*, vol. 14, № 6, p. 28–45 (in Russ.).
9. Kotlyakov, V. M., Shuper, V. A. 2019, Russia in the Greater Eurasia: mission for the 21st century, *Voprosy geografii*, № 148, p. 357–372. EDN: EUBEPT (in Russ.).
10. Torkunov, A. V., Streltsov, D. V., Koldunova, E. V. 2020, Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects, *Polis. Political Studies*, № 5, p. 8–21, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02> (in Russ.).
11. Lukin, A. V. 2020, Russia and China in Greater Eurasia, *Polis. Political Studies*, № 5, p. 46–59, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04> (in Russ.).
12. Yakovets, Yu. V., Rastvortsev, E. E. 2017, *Great Eurasia: Strategy for Partnership of Civilizations and Unions*, M., SKII (in Russ.).
13. Shuchun, W., Qingsong, W. 2014, Silk road economic belt and EEU — competitors or partners?, *Observer*, № 10 (297), p. 56–68. EDN: STBXCVCV (in Russ.).
14. Il'in, E. Yu. 2015, The concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: problems and perspectives, *MGIMO Review of International Relations*, № 2, p. 84–92. EDN: TVRGZV (in Russ.).
15. Vardomsky, L. B. 2019, Eurasian integration: some results and possible development scenarios, *Russian Foreign Economic Journal*, № 4, p. 110–126. EDN: XKPLFN (in Russ.).

16. Dynkin, A., Telegina, E., Khalova, G. 2018, The Role of the Eurasian Economic Union in the Formation of Great Eurasia, *World Economy and International Relations*, vol. 62, №4, p. 5—24, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-4-5-24> (in Russ.).
17. Calder, K. E. 2012, The new continentalism: energy and twenty-first-century Eurasian geopolitics, *Yale University Press*, <https://doi.org/10.2307/j.ctt1nq6c5>
18. Vevier, C. 2004, American Continentalism: An Idea of Expansion, 1845—1910, in: Duden, A. P. (ed.), *American Empire in the Pacific*, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315262888>
19. Gresh, G. F. 2018, Introduction: Why Maritime Eurasia? In: Gresh, G. F. (eds.), *Eurasia's Maritime Rise and Global Security*, Palgrave Studies in Maritime Politics and Security, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71806-4_1
20. Gray, C. S. 1988, Ocean and continent in global strategy, *Comparative Strategy*, vol. 7, №4, p. 439—444.
21. Calder, K. E. 2019, *Super continent: The logic of Eurasian integration*, Stanford University Press.
22. Smith, G. 2004, The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism, *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 24, №4, p. 481—494, <https://doi.org/10.1111/j.0020-2754.1999.t01-2-00481.x>
23. Sakwa, R. 2015, Russian Neo-Revisionism and Dilemmas of Eurasian Integration, In: Kanet, R. E., Sussex, M. (eds.), *Power, Politics and Confrontation in Eurasia*, Palgrave Macmillan, London, https://doi.org/10.1007/978-1-137-52367-9_6
24. Zheng, Y. 2021, Rediscovering continentalism: the new geographic foundations of Chinese power, *International Politics*, vol. 58, p. 188—222, <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00206-7>
25. Pepe, J. M. 2018, Beyond China: The Return of the Eurasian Order, In: Schulze, P. W. (eds.), *Multipolarity: The Promise of Disharmony*, p. 211—228.
26. Treivish, A. I. 2009, City, district, country and the world. The development of Russia through the eyes of a country scientist, M., New chronograph. EDN: SUOTFD (in Russ.).
27. Gilmundinov, V. M., Pankova, Yu. V. 2023, Spatial Development of Russia under the Conditions of External and Internal Challenges, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 34, №4, p. 484—491, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93> (in Russ.).
28. Klepach, A., Miheeva, H. 2020, Realities and Opportunities in the Megaproject “Russian Ark”, *ECO*, №8, p. 66—86, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-8-66-86> (in Russ.).
29. Kryukov, V. A., Seliverstov, V. E. 2022, Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions, *Russian Economic Journal*, №5, p. 22—40. doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-22-40 (in Russ.).
30. Kuznetsova, O. V. 2019, Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation, *Spatial Economics*, vol. 15, №4, p. 107—125, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125> (in Russ.).
31. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2023, The Southern Vector in the Spatial Development of Post-Soviet Russia: the Main Factors and Manifestations, *Federalism*, №2, p. 5—26, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26> (in Russ.).
32. Druzhinin, A. G. 2018, Prolongation of the “Moscow-Centric” Russian Space: pro et contra, *Polis. Political Studies*, №5, p. 29—42, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.04> (in Russ.).
33. Golovnev, A. V. 2022, Northerness of Russia, Saint-Peterburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS. EDN: WBEYXR (in Russ.).
34. Zamyatin, D. N. 2023, Northern Eurasia at the Junctures of Planetary Geocultures: Co-Spatiality and Borderline, *World Economy and International Relations*, vol. 67, №7, p. 103—117, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-103-117> (in Russ.).
35. Bandman, M. K. 1994, The geopolitical significance of Siberia after the collapse of the USSR, *Izvestiya RAS. Seriya Geograficheskaya*, №3, p. 85—93 (in Russ.).
36. Kuleshov, V. V., Seliverstov, V. E. 2023, Siberian regions in changing Eurasian relations: navigating new geopolitical and economic realities, *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*, vol. 16, №9, p. 1488—1496. EDN: SEMWYM (in Russ.).
37. Druzhinin, A. G., Dets, I. A. 2021, Problems and prospects of Siberian inland territories’ development in the context of Russian marine economic activity, *Czasopismo Geograficzne*, vol. 92, №1, p. 5—24, <https://doi.org/10.12657/czageo-92-01>
38. Trenin, D. V. 2021, The new balance of power: Russia in search of a foreign policy balance, M., Alpina Publisher (in Russ.).

39. Bezrukov, L. A. 2019, Eurasian continental integration in the economic and geographical dimension: prerequisites, difficulties, new opportunities, *Voprosy geografii*, № 148, p. 228—262. EDN: DTACGD (in Russ.).
40. Nikolyskiy, A. 2021, What is a Super-combine? *ECO*, vol. 51, № 3, p. 106—121, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-3-106-121> (in Russ.).
41. Hoesli, E. 2018, *L'Épopée Siberienne*, Paris, Paulsen (in French).
42. Mkrtchyan, N. V. 2019, Moscow Metropolitan Region as the Largest Center of Internal Migration, *Scientific papers: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, vol. 17, p. 252—268, https://doi.org/10.29003/m820.sp_ief_ras2019/252-268 (in Russ.).
43. Revich, B. A., Kuznetsova, O. V. (eds.). 2018, *A man in a megalopolis: Interdisciplinary research experience*, M., URCC. EDN: GVVSTA (in Russ.).
44. Kuznetsova, O. V. 2018, Concentration of economic activity in Moscow and Saint Petersburg: trends, factors, implications for the cities, *Problems of Territory's Development*, № 5 (97), p. 26—40, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2> (in Russ.).
45. Druzhinin, P. V. 2022, The Resource Concentration in Moscow: Impact on the Economy of the Central Federal District, *Spatial Economics*, vol. 18, № 3, p. 115—140, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140> (in Russ.).
46. Homyakova, K. L. 2021, Moscow — a global city: features of development and social problems, *SOCIOLOGY*, № 2, p. 30—35 (in Russ.).
47. Aleksandrova, A. Yu. 2015, Ranking of world global cities as tourist destinations and Moscow particular position, *Regional Studies*, № 3 (49), p. 122—130. EDN: VBLTNI (in Russ.).
48. Marshova, T. N. 2021, Problems and prospects of Moscow industry development, *Region: Economics and Sociology*, № 4, p. 97—131, <https://doi.org/10.15372/REG20210404> (in Russ.).
49. Andronova, L. N., Lantsova, N. M. 2022, Socio-Economic Development Features of Moscow in Current Conditions, *Territorial development issues*, vol. 10, № 1, <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.1.61.2> (in Russ.).

The authors

Prof Leonid A. Bezrukov, V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: leonid4420@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3459-8488>

Prof Alexander G. Druzhinin, Director, North Caucasus Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Chief Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdr9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

Prof Olga V. Kuznetsova, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

Prof Vyacheslav A. Shuper, Principal Research Fellow, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vshuper@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9096-3211>

